

Modus vivendi

«В МИРЕ БОЛЬШЕМ, ЧЕМ НАШ, ТЕБЕ ГИДОМ ЩЕПОТКА ЛИ СЛАВЫ ПОСЛУЖИТ...». К 80-ЛЕТИЮ ТОМАСА ВЕНЦЛОВЫ: ЧЕСТВОВАНИЕ ПОЭТА В ВИЛЬНЮСЕ

14–15 сентября 2017 г. в Вильнюсском университете состоялась международная научная конференция *Тексты и контексты творчества Томаса Венцловы*, организованная университетом и Институтом литовской литературы и фольклора при поддержке Министерства культуры Литовской Республики и в сотрудничестве с Вильнюсской дирекцией мемориальных музеев. Симпозиум был посвящен 80-летию известного литовского культуролога, литературоведа, переводчика, поэта и эссеиста Томаса Венцловы. Конференции предшествовали чествования гостя (Венцлова постоянно проживает в США) в различных «культурных» местах города, начавшиеся в день рождения поэта – 11 сентября. О некоторых подобных событиях будет рассказано ниже, здесь же замечу, что юбиляр принимал активное участие во всех юбилейных мероприятиях. Он «держал речи», недолгие, тщательно обдуманные и риторически безупречные, внимательно слушал выступления поздравителей и исследователей своего творчества, комментировал, импровизировал, вступал в полемику, проявлял ответственность и серьезность в отношении сказанного о

нем другими и одновременно оставлял за собой право на самоиронию и определенную долю скепсиса.

11 сентября прошел вечер-дискуссия с участием юбиляра в Литовской национальной библиотеке им. М. Мажвидаса. Вел вечер историк культуры, публицист Ауримас Швядас, для которого, по его словам, важно стремление Венцловы – поэта, исследователя культуры и публициста – оценивать современный мир не с точки зрения угрозы, которую он в себе несет, а под углом возможности культурного диалога, в который должно включиться и литовское общество. Для А. Швядаса значимы манифестируемая Венцловой потребность рассматривать происходящие в Литве процессы в определенной перспективе и актуализация юбиляром необходимости критической рефлексии по отношению к явлениям, сигнализирующим об общественном и культурном провинциализме.

В дискуссии приняли участие главный редактор интернет-портала «Бернардинай» Донатас Пуслис, литературный критик Виргиния Цибарауска, журналист Паулюс Гритенас и литературовед Саулюс Василяускас.

Д. Пуслис подчеркнул, что Т. Венцлова является для него идеалом «человека пограничья» (замечу, что в августе 2001 г. в Сейнах [Польша] была организована конференция *Томас Венцлова – человек пограничья*, а в 2015 г. подобная международная конференция – *Пограничье как духовный опыт: Чеслав Милош – Иосиф Бродский – Томас Венцлова* – состоялась в Санкт-Петербурге; большой том публицистики Венцловы, выпущенный в 2015 г. на русском языке, так и называется – *Пограничье*). Всегда подчеркивающий свою литовскость, – продолжил Пуслис, – Венцлова олицетворяет человека транскультуры, который «прокладывает мосты через границы, разделившие нас из-за исторических, идеологических, религиозных, национальных или других причин». Определяя эту позицию поэта и публициста, Пуслис использовал литовский словесный «кентавр» „šlabūtiten“, который, полагаю, отсылает слушателей не столько к «Нетеперь» Д. Хармса в интерпретации режиссера О. Коршуноваса (в спектакле „Ten būti čia“ [«Там быть здесь»] речь идет о пространственной и временной дезориентации субъекта), сколько к известным суждениям американского теоретика Х. Бхабха о существовании современного человека «за пределами», «здесь и там», «со всех сторон» (au-delà – here and there, on all sides). Венцлова как поэт и публицист принадлежит Вильнюсу, Литве, Центральной Европе, Европе в целом, всему миру. Рассуждая о «человеке пограничья», Пуслис выделил такие его черты, как: «чувствительность к истории», так как существует серьезная проблема «заложников национальной истории»;

универсализм критериев мышления; любопытство по отношению к Другому; обостренный слух в отношении разного рода штампов; желание выявить личностность, а не коллективную идентичность; утверждение космополитизма как «обмена» Литвы с миром. Такой процесс обмена переворачивает культурные стандарты, рождает желание равняться на лучшее. Все это присуще Венцлове как эталону толерантности. Позиция терпимости у поэта и эссеиста «не комнатная», она выражается в открытых дискуссиях, аргументированном споре с Другим. Однако толерантность, и в этом Венцлова уверен, заканчивается там, где она сталкивается с законом – с уголовным кодексом и международным правом.

Участники дискуссии посетовали, что в современном публичном мире мало академических людей. Томаса Венцлову же можно назвать публичным интеллектуалом, обладающим смелостью и честностью, понимающим, что он рискует навлечь на себя гнев читателей или слушателей. Как с горечью писал Венцлова в эссе «Я задыхаюсь», «самостоятельная, никем не ограничиваемая государственность считается абсолютной и главной ценностью, несравнимо более важной, чем демократия, человечность и здравый рассудок. Это отношение пытаются поддерживать эмоционально и на уровне экстатичных литургий. Попытки его модифицировать или подвергать сомнению характеризуют как предательство, которое должно наказываться жесточайшим способом».

А. Швядас обратил внимание на то, что Венцлова стоит не только в ряду немногочисленных «академиков-публи-

цистов», но и в отнюдь не обильном авторами ряду поэтов-профессоров, таких, к примеру, как В. Миколайтис-Путинас. В стихах Венцловы много авторских комментариев. Причину этого В. Циба-рауске видит именно в «академическом» статусе поэта Венцловы: «Представление о контекстах, об истории и теории литературы не позволяет поэтам такого типа слепо относиться к собственным текстам». Литературовед-структуралист Венцлова не позволил бы себе такого, но поэт Венцлова предлагает именно такую манеру поэтического письма. Цибарауске также отметила сплетение в поэзии Венцловы знаков высокой культуры с отсылками к интимному опыту, а также парадоксальное сочетание ясных классических форм с постоянным сомнением в их состоятельности (устойчивости). Эти высказывания участников диалога с поэтом повлекли за собой воспоминания Венцловы о знакомстве с Ю.М. Лотманом и своей литературоведческой деятельности, на стезю которой он ступил, эмигрировав в Америку. «Это потребовало много сил и времени, но иного пути не было. Стихи же писались всегда: но это “каторга”, язык ничего не “диктует” поэту [здесь Венцлова полемизирует с Бродским. – Г.М.], писать под диктовку языка значит быть графоманом, а я боюсь графомании, поэтому пишу стихи редко (несколько стихотворений в год) и трудно. Я “непродуктивный поэт”», – сказал Венцлова. Но в писании стихов, – добавил он, – есть и менее интимная задача: доказать «городу и миру», что эмиграция не губит поэта: примеры тому – А. Мицкевич, Ц. Норвид, М. Цветаева, Г. Иванов, Вл. Ходасевич. Участники диалога по-

интересовались, как поэт создает свои визуально-точные стихи? Как их пишет? Ответ Венцловы был следующим: по памяти и из памяти. При этом к памяти надо относиться ответственно, как написано в предисловии к книге *Как север притягивает магнит* – не превращать ее в балаган и фейерверк, память должна быть точной. Венцлова называет себя в этом смысле постакмеистом. «Возможно, это старомодно, но я так», – заявил поэт.

На этой встрече Венцлова прочитал свои новые «автобиографические» стихи – о послевоенном Каунасе, о детстве, о Петрополе (так, в духе русского XVIII в. и устойчивого – с XIX в. вплоть до середины века XX – литовского наименования города, поэт называет Санкт-Петербург), а также представил две новые книги: беседы с американской эссеисткой, поэтессой и переводчицей Эллен Хинси *Как север притягивает магнит: беседы с Эллен Хинси (Nelyginant šiaurė magnetą: pašnekesiai su Ellen Hinsey; книга Ellen Hinsey Magnetic North: Conversations with Tomas Venclova* была переведена также на немецкий, польский и украинский языки) и свой новый двуязычный сборник *Metelinga. Смухотворения и не только*. Книгу, составленную из бесед с Э. Хинси, Венцлова противопоставил тем книгам литовских писателей, где повествование о «советском абсурде» сводится к двум темам – советская армия и психиатрические больницы. «Мой опыт жизни в условиях советского режима все-таки богаче, – сказал Венцлова, – и я пытался передать его в этой книге».

Некоторые моменты выступлений участников встречи Венцлова оживлен-

но комментировал. Так С. Василяускас обратил внимание на «концентрированность» поэзии юбиляра, на внимание автора к семантике слова, композиции текста и его внутреннему ритму. Такая поэзия, по мнению Василяускаса, особенно актуальна сегодня, когда нам все чаще приходится высвобождаться из ловушек, расставленных избыточной информацией, фрагментарностью и популизмом. При чтении же оригинальных стихов и переводов Венцловы «ты будто заново познаешь язык, начинаешь обращать внимание на те аспекты, которых не хватает в творчестве немалой части современных поэтов». Помимо этого, Василяускас попытался выделить те опорные моменты в «наррации поэта», которые, с его точки зрения, особо значимы для Венцловы. В частности, в юношеские годы динамичному становлению поэта способствовал просветительский дружеский кружок (П. Моркус, В. Чепайтис, Р. Катилюс), интенсивный дружеский идейный и творческий обмен. Издательская деятельность того времени была камерной: маленькие книжки, брошюры – всё самиздат. Такой была первая книга стихов Венцловы *Pontos A Xenos*, 1958 г. В переводе на русский – *Негостеприимное море*. Это древнегреческое именование Черного моря, а в метафорическом смысле для юного Венцловы – жизнь, негостеприимная к его поколению. Книга была издана в 4-х экземплярах в самиздате „Eglaitė“ («Елочка»), где работал сам автор и его друзья.

Не менее интересной, но более торжественной была еще одна встреча с Томасом Венцловой – его юбилейный вечер в Вильнюсской Ратуше, собравшей

полный зал почитателей 13 сентября. Было зачитано поздравление президента страны, юбиляра поздравили председатель парламента, министр культуры Лиана Руките-Йонссон (между прочим, переводившая стихотворения Венцловы на шведский язык), мэр Вильнюса, председатель Союза писателей Литвы поэт Антанас А. Йонинас. С теплыми воспоминаниями и музыкальным поздравлением выступил бывший его одноклассник, ныне известный оперный певец Виргилиус Норейка.

Поэт начал свое выступление достаточно тривиально – со своей юности, со времен политического и творческого самоопределения, обращая внимание слушателей на то, что при всей «разнице мнений и мыслей» у него были «нормальные отношения» с отцом – поэтом, прозаиком и переводчиком, номенклатурным писателем Советской Литвы, «естественное состязание» с поэтической манерой которого, безусловно, также имело место. Переломным моментом своего мирозерцания Венцлова называет восстание в Венгрии в 1956 г. Из тех лет, из *juvenilia*, – стихотворение «Идальго», в котором слышны отзвуки венгерских событий, которые, по выражению И. Бродского (с ним Венцлова сохранял дружеские отношения на протяжении тридцати лет), стали для части молодого поколения тем же, чем война в Испании для Хемингуэя, – трагическим откровением и переломом в сознании. «Я тогда понял, – сказал Венцлова, – что такое надежда и ее отсутствие». Именно чтением «Идальго» поэт открыл стихотворную часть своего выступления на вечере в Ратуше, хотя, по замечанию самого поэта, это стихи «не на том языке,

не в той поэтике и не образец того, как надо писать».

С самых юных лет юбиляра длится его дружба с известным культурным деятелем Литвы Пранасом Моркусом, который помимо школьных впечатлений поделился своими размышлениями о «расширенном понимании мира», собственном Венцлове: он пытается извлечь из пережитых литовским народом трагедий «положительные смыслы», что вызывает подчас «оскорбительное противодействие» его оппонентов. Об этом говорил и сам Венцлова, характеризуя свои позиции в мире культуры и социума: как поэт он неизбежно и строго поддерживает литовскую языковую, а значит, и этническую идентичность, а как эссеист занимает позицию космополита, высказывающегося за «смягчение международных границ».

Суждениям Венцловы и Моркуса были созвучны слова еще одного гостя юбилейного вечера – легендарного польского оппозиционера Адама Михника, который завершил свою речь о Венцлове, разрушившем в сознании поляков культурные стереотипы Литвы и литовцев, драматическими словами: «мы до сих пор не можем в постсоветском пространстве справиться со своим прошлым».

Если вернуться к Моркусу, то с ним связано и пребывание Венцловы в Москве в конце 1950-х – начале 60-х гг. Этому эпизоду жизни было уделено немало времени в выступлении самого юбиляра. Венцлова бывал в Москве сначала наездами, когда постепенно складывался круг его российских друзей и хороших знакомых – ровесников (среди них будущие «звезды» российской филологии

и литературы) и старших товарищей. Среди них – переводчик Вл. Муравьев, снабжавший Венцлову англоязычными книгами (1984 Оруэлла, *Шум и ярость* Фолкнера, *Нагие и мертвые* Мейлера), поэты и переводчики Ник. Котрелев, Л. Чертков, А. Сергеев, Г. Айги, Н. Горбаневская, Г. Суперфин, «лианозовцы» И. Холин и О. Рабин, эксцентричный Ал. Крученых, коллекционер Г. Костяки, музыкант А. Волконский, художник О. Прокофьев, Н. Трауберг, у которой была отличная домашняя библиотека, И. Муравьева и Гр. Померанц, дом которых стал приютом для просветительского кружка, участники которого рассуждали о философии, современном искусстве, политике, Е. Васильева и другие. Оказавшись в центре московского андеграунда, Венцлова приобрел неоценимый опыт «погружения» в русскую культуру, которая для большинства литовцев кажется воплощением «чужого». Но если найти интересных людей, – сказал поэт (как это удалось ему в 1960-е гг.), – то Москва окажется «самым интересным городом на свете» (так говорил, но о Нью-Йорке, политолог и историк А. Штротмас – литовец, курсировавший в те годы меж Вильнюсом и Москвой, еще одна давняя дружеская привязанность Венцловы), очень живым и динамичным.

Конечно, «нужна была толика счастья, чтобы выйти на того, кого надо», – сказал как-то Т. Венцлова в одном из интервью. Но, возможно, поиск и обретение «интересных» людей был связан с тем, что Венцлова с юности обладал чувством слуха, который как особый дар поэта был отмечен Михником, подчеркнувшим, что Венцлова умел (и умеет!)

слышать фальшь, лживые ноты и всегда искал людей правды. Это подтвердили слова самого юбиляра, указавшего на единственный моральный выход при жизни в тоталитарной системе – принцип «жизни не по лжи»: не поддерживай ложь, даже преследуя благие цели, – такие, как сохранение культуры и народа. Руководствуйся принципом Гиппократа «*gr̄im̄it – non posere*» («прежде всего, не навреди»): не говори ни одного слова, которое, пусть и ненароком, поощрило бы приближение темных веков. Это значит – не поддавайся застарелым дурным привычкам и двойным стандартам, даже если их поддерживает большинство (особенно тогда, когда их поддерживает большинство).

Вернемся, однако, к временам оттепели. Был ли Венцлова, отметивший в беседах с Э. Хинси самые яркие (или почитаемые) имена российского поэтического самиздата (Г. Айги, Н. Горбаневская, Ст. Красовицкий), в курсе гремевшей тогда славы молодых московских поэтов, к примеру, Евг. Евтушенко? «Был», – отвечал поэт. Но Евтушенко тех лет, на его взгляд, являл собой «политика и ксендза», а не поэта. «Ни Ахматова, ни Пастернак, ни Мандельштам стадионов не собирали». Эта реплика юбиляра плавно переросла в похвалу «лучшей книги всех времен и народов» – *Tristia* О. Мандельштама – и в авторское чтение посвященного Мандельштаму стихотворения «Памяти поэта. Вариант». Так разговор с Венцловой переместился в область поэзии и поэтического перевода.

Именно Мандельштама (а также, к примеру, П. Валери, Т.С. Элиота, И. Бродского) Венцлова относит к ве-

домству «ученой поэзии». В рамки *poesis docta*, корни которой лежат в литературе XVI–XVII вв., Венцлова помещает и свое поэтическое творчество, предназначенное для интеллигентного и образованного читателя, способного распознать цитаты, мифологические узлы и символы. Такая поэзия иногда требует авторского комментария во избежание ошибочных трактовок критиков и литературоведов, как это случилось со стихотворением «После лекции», где привидевшаяся лирическому герою Анна Ахматова была интерпретирована одним литовским критиком как мать поэта. Отдельные культурные аллюзии просто нуждаются в объяснении: в упомянутом выше стихотворении «Идальго» Венцлова, по его словам, реализовал текстовые связи не только с романом Сервантеса, но и с «Гамлетом» Пастернака: тот же метр, те же четыре строфы, тот же жанр монолога. Если читателю (и исследователю поэзии) понятны подобные интертекстуальные связи, то стихотворный текст раскрывается в большей глубине. Переводчик (а сам Венцлова выступает в этом качестве с 1970-х гг.) также должен видеть и понимать подтексты и интертексты переводимых произведений. В качестве примера вслед за этим «требованием» к переводам прозвучало стихотворение «Разговор зимой» сначала в исполнении автора на языке оригинала, а затем на польском языке в переводе Ч. Милоша. Венцлова никогда не скрывал очевидное (Польша в советскую эпоху была для творческой интеллигенции «окном в Европу»), но всегда подчеркивал, что людей его круга привлекал также «польский дух сопротивления, благородный и

какой-то безоглядный, отраженный во многих романах и в фильмах Анджея Вайды». В самом начале 70-х гг. Милош распознал скрытого польского адресата в «Идальго», повествующем о смертельном ужасе наступившей и наступающей «тишины по обе стороны седого моря» (Милош напечатал перевод этого стихотворения Венцловы в парижском журнале «Культура»).

Вслед за польскими строками были прочитаны переводы стихов Венцловы „Odé miéstu“ («Ода городу»), „Ugnuje“ («В огне»), „Užuris“ («Ужупис») на английский, французский и русский языки. К слову, с 11 сентября в Ратуше была открыта посвященная Венцлове выставка фотографий и поэтических сборников «Томас Венцлова: так приближается слово», на которой, кроме изданий стихов Венцловы на литовском языке, были представлены и переводы более чем на 20 языков.

Научная конференция в Вильнюсском университете состоялась благодаря усилиям Донаты Митайте, автора научной биографии *Томас Венцлова* (в рус. переводе – 2005 г.) и руководителя Института литовского литературы и фольклора Миндаугаса Кветкаускаса. На конференции выступали исследователи из Литвы, Польши, России и США: Э. Александравичюс (доклад *Агент того, что непопулярно: позиция интеллектуала между двумя мирами*), Э. Хинси (*Исправить время: Правда и искусство в творчестве Томаса Венцловы*), К. Настопка (*Литературные метатексты поэзии Томаса Венцловы*), Р. Кмита (*Томас Венцлова «в любовном треугольнике»*). *Литературное поле напряжения в советской Литве*), А. Михник

(*Польский контекст Томаса Венцловы*), А. Фьют (*Разнообразные встречи. Чеслав Милош и Томас Венцлова*), Б. Калемба („*Kur kadaise sutapo / gestas, gyvybė ir garsas*“ – „*Gdzie niegdyś były jednością / gest, grunt pod stopą i głos*“). *Несколько слов об искусстве перевода Томаса Венцловы и Станислава Баранчака*), М. Кветкаускас (*Голос Томаса Венцловы в диалоге между литовцами и евреями*), М.О. Чудакова (*Томас Венцлова: формирование личности в тоталитарном контексте*). Кафедру русской филологии ВУ на конференции представляли Павел Лавринец и Регина Чичинскаяте.

В докладе П. Лавринца *Интерпретация Вильнюсского текста Томаса Венцловы* было много знаков вопроса и размышлений. Докладчик уделил внимание полемике вокруг самого понятия «Вильнюсский текст»: это единый многоязычный текст или разноязычные вариации одного текста? И если «сверхтекст» (категория, введенная в научный оборот В.Н. Топоровым при изучении Петербургского текста) должен обладать семантической связностью и смысловой ценностью, то обладает ли этими свойствами Вильнюс и его тексты? В.Н. Топоров допустил выпадение из «Петербургского текста» того, что не соответствует установленным для сверхтекста критериям. А как в этом смысле обстоят дела с Вильнюским текстом? Израильская исследовательница В. Брио в книге *Поэзия и поэтика города: Wilno – willyn – Vilnius*, например, не применяет категорию «Вильнюсский текст», а литовка Д. Митайте в работах о Венцлове Вильнюсским текстом у поэта называет корпус стихотворений на тему города. Сам Венцлова также является автором

концептуальных работ о городских текстах. В них он утверждает, что любой город «говорит с нами своей топографией, климатом, зданиями, а также корпусом произведений, связанных с его историей и судьбой». Но есть ли в русской литературе, к примеру, «Кенисбергский текст», который Венцлова рассмотрел в статье «“Кенисбергский текст” русской литературы и кенисбергские стихи Иосифа Бродского»? Или, как пишет Венцлова, «было бы преувеличением» говорить об этом? Может быть, свой текст есть только у городов «с репутацией» – таких, как Рим, Венеция, Краков и, вероятно, Вильнюс. Согласно Венцлове, Вильнюсский текст – мультикультурный, полиглотичный, он является единым корпусом разноязычных литературных текстов, а также произведений других искусств и даже биографий, тесно связанных с историей города, но одновременно ориентированных и на мифическую модель мира, в отличие от ориентированного на историю Таллиннского текста. Надо сказать, – заявил Лавринен, – что Томас Венцлова сам выступает как элемент Вильнюсского текста. Дополню это суждение докладчика: нет ничего странного в том, что «человек пограничья» проецируется на город, который в сознании этого человека (Венцловы) есть феномен, устремленный за пределы рубежей и барьеров – «эксцентричный, капризный», «окраина и пограничье» (цит. книгу Т. Венцловы *Вильнюс: Город в Европе*, 2012).

В свою очередь, писатель и литературовед Александр Генис в выступлении *Томас Венцлова: поэтика географии*, рассуждая о миссии Венцловы-мигранта, обеспечивающего родину (Литву) ев-

ропейским контекстом, назвал Вильнюс в текстах поэта и эссеиста своеобразным «Евросоюзом», актуализирующим максимальное разнообразие на минимальном пространстве. Венцлова мог бы поспорить с этим высказывание докладчика, но промолчал. А между тем, в своей книге о Вильнюсе он пишет: «Сегодня Вильнюс любят изображать как место мирного сожительства многих культур, этакое миниатюрное и идеальное *преддверие Евросоюза*. Увы, это неправда – всегда хватало ссор и драк, а Холокост, настигнувший город в середине двадцатого века, здесь был даже ужаснее, чем во многих других местах. Многоязычие, правда, осталось. Почти все жители города могут худо-бедно договориться политовски, по-польски и по-русски (но уже не на идиш); молодежь, как и всюду, любит приправлять свою речь англицизмами, а патриоты с ними безнадежно борются – как и со славянизмами».

В центре доклада Р. Чичинскайте *Риторика публичной речи в эссеистике Томаса Венцловы* было эссе Венцловы «Я задыхаюсь». По определению докладчицы, оно относится к жанру инвективы – беспощадного развенчания оппонентов. Жанр, который не очень свойственен юбиляру. Чичинскайте сравнила эту «ораторскую речь» Венцловы с риторикой философа и публициста Леонидаса Донскиса. Донскис – «осторожный оратор», он отвечает всем правилам классической риторики. Венцлова – оратор «неосторожный», сравнимый разве что с Цветаевой (эссе «Искусство при свете совести»). Венцлова позволяет себе лицензию, то есть риторический прием проговаривания таких вещей, которые могут тебя скомпрометировать. В кон-

тексте современной полемики между литовскими евроскептиками и евроценристами оратор, по Чичинскайте, должен обладать такой «добродетелью» как предусмотрительность – предусматривать публичные последствия своих высказываний. Неосторожность Венцловы-оратора заключается, прежде всего, в том, что он, опираясь на комедию Аристофана *Облака*, называет Стрепсиадами людей, стоявших у истоков восстановления независимости в Литве и позже последовательно отстаивавших свои взгляды независимо от меняющихся политических и связанных с этим конъюнктурных обстоятельств. Докладчица подчеркнула, однако, что в своей поэзии автор очень глубоко проникает в античные источники и мастерски их актуализирует.

Рецепции комедии Аристофана *Облака* было посвящено и выступление историка, литератора и библиографа Никиты Елисеева *Гуманизм и античность в публицистике Томаса Венцловы*. Н. Елисеев подверг анализу «ностальгическое», как он выразился, эссе Венцловы «Я задыхаюсь», которое является своеобразным посвящением его деду – эрудиту, знатоку древних языков и античной литературы. Докладчик отметил, что ситуации и темы Аристофана до недавнего времени не актуализировались европейской культурой, положение изменилось в к. XIX в., когда в культурный обиход вошла аристофановская *Лисистрата*. По мнению Елисеева, Аристофан у Венцловы, прежде всего, выразитель кризиса афинской демократии, и эта ситуация кризиса выступает прообразом критического состояния демократии современной, бытийственного кризиса. Венцлова переводит циничную черную комедию

Аристофана в актуальный трагедийный план, производя некоторые фабульные изменения для того, чтобы укрупнить идейный конфликт – столкновение традиционалиста и новатора (глобалиста, космополита). Что касается взгляда Венцловы на самого древнегреческого комедиографа, то это взгляд гуманиста: донос непростителен даже для Аристофана, автора антисократовского «театрального фельетона» *Облака*.

Т. Венцлова, внимательно слушавший докладчика, не согласился с тем, что он придал комедии Аристофана некий «сверхтрагический» смысл, подчеркнув также, что «жанр» пьесы-доноса не отменяет художественные достоинства *Облаков*: текст комедии больше ее автора. Аристофан, – сказал Венцлова, – был для меня только «точкой отталкивания» для того, чтобы сказать о том, что глобалистский проект может обернуться ксенофобским обществом – это гегелевская диалектика. Докладчик же, полемизируя с автором эссе, настаивал: современный сократовский мир – не сократовский в целом, и «победа Сократа в современном мире гадательна». Но особенность позиции Венцловы, скажу я, заключается именно в «поисках оптимизма в пессимистические времена» – именно так называется совместная с Л. Донским книга Венцловы. Поэтому Венцлова выступил оппонентом Елисеева: «Вы говорите, что мы не живем в мире Сократа. Я не согласен с Вами. Наш сократовский мир все-таки сильнее». Пессимист в поэзии, Венцлова называет себя «трезвым оптимистом в политике». Венцлову поддержал А. Генис, указав на то, что в Латинской Америке было 19 диктатур, а сейчас их осталось только 3, остальные –

демократии. А актуализации классики, – сказал Генис, – способствуют войны. После возвращения американцев из Вьетнама стала актуальной *Илиада* Гомера, сейчас же самая популярная трагедия – *Юлий Цезарь* как аллюзия на Дональда Трампа. Античность всегда остается рифмой к современности.

Литературный критик В. Цибарауске в выступлении *Томас Венцлова и литературная биография поэта-эмигранта* опиралась на лотмановскую категорию «литературной биографии». Докладчица подчеркнула, что литературная биография Венцловы – это биография поэта-эмигранта, которая включает в себя слухи и мифы, окружающие поэта, созданный им самим «самообраз», восприятие этого «самообраза» публикой, а также отдельные черты лирического героя стихов Венцловы, которые читатели приписывают самому автору. Цибарауске полагает, что литературную биографию Венцловы во многом создал известный поэт, драматург, литературный критик и переводчик Сигитас Парульскис в своих выступлениях о Венцлове и его творчестве, в интервью с ним. Это биография «чужого», «постороннего» – человека «духовной эмиграции» в условиях «современного рынка». Подобная эмиграция из реальности – это вариация романтического понимания судьбы поэта. Но самое интересное, что в той литературной биографии, которую С. Парульскис создает сам себе, персона Венцловы занимает особое место как олицетворение поэта, выражающего важный для самого Парульскиса момент духовной эмиграции (в такой же мере моделью образа поэта для Венцловы, по мнению Цибарауске, выступал Бродский). Про-

вокативность, акцентированное самовыражение, некоторая эгоистичность – вот что подчеркивает Парульскис у Венцловы, но это именно то, что характерно для самого Парульскиса. Выбрав центром своей литературной биографии Венцлову, Парульскис легитимирует себя в поле литовской литературы – к такому выводу пришла докладчица. Замечу, однако, что подобная позиция Парульскиса в его интерпретации литературной биографии Венцловы является одновременно и жестом актуализации фигуры Венцловы в современном литературном процессе. Что касается «отождествления» своей литературной биографии с биографией Венцловы, то, как заметил один из слушателей, позиция Парульскиса – это позиция аутсайдера в поле литературы. И она несопоставима с позицией Венцловы – успешного поэта и эссеиста.

Коллега Цибарауске по литературно-критическому цеху – Рамунас Чичялис – представил жанровый и семиотический анализ эссе, составивших книгу эссеистики и публицистики Венцловы «Формы надежды» („Vilties formos“, 1992). Докладчик определил эту книгу как монолит, целостность, хотя в ней собраны статьи разных лет. Но у собранных под одной обложкой произведений одна цель – придать значение действительности, фактам. Эссе Венцловы, по мнению Р. Чичялиса, не персональны, в них выражена не личностная субъективная мысль, а мысль объективная, всегда опирающаяся на факты и никогда внутренне не противоречивая. Внимание и эмпатия в отношении Другого, либеральное идеологическое мышление, акцентирование собственной литовскости,

но отрицание ограничивающей функции категории «народность» (ибо народ в Литве имеет больше интеграционных, а не дифференцирующих свойств, и категории, связанные с народом, не следует ставить выше категорий человечности, правды и свободы), самостоятельность и оригинальность литературоведческой мысли (в отношении тех фигур и явлений в истории литовской литературы, о которых писали другие исследователи), противопоставление себя объективной внешней реальности (как советской, так и постсоветской) – вот, с точки зрения докладчика, черты эссеистики и публицистики Венцловы.

Оживленную реакцию слушателей и самого юбиляра вызвало выступление *Томас Венцлова по-русски. Перевод традиционного стиха: проблемы и их разрешение* Анны Герасимовой, известной также как Умка, – поэтессы, рок-музыканта и переводчицы поэзии Г. Патацкаса, А.А. Йонинаса, Х. Радаускаса. Предметом рассуждений А. Герасимовой была ее работа над переводами текстов Венцловы для книги *Metelinga*¹. Так должен был называться его первый сборник 1972 г., символизируя говорение на недозволенном языке. Кроме стихов на литовском и русском языках, в книгу вошли переводы воспоминаний, писем, интервью, а также фотографии из личного архива поэта. Герасимова не впервые обратилась к творчеству Венцловы: в изданную в 2015 г. книгу его избранных стихов *Похвала остро-*

ву вошли и ее переводы. Герасимова сама отбирала стихотворения Венцловы и для *Похвалы*, и для *Metelinga*, работая без подстрочника и руководствуясь принципом: «перевод – это сочетание умения (ремесла) и любви». Переводчица рассказала о том, что начала свою работу с коротких стихов Венцловы 1950-60-х гг. Длинная поэтическая мысль требует больших поэтических усилий. «В этом смысле Радаускас, писавший только короткие стихи, – идеальный поэт для переводчика», – не без юмора заметила Герасимова. Потом наступил черед «многоэтажных стихов». По наблюдениям докладчицы, на фоне литовской поэзии, отказавшейся от традиционной версификации в пользу свободного стиха, Венцлова – поэт-традиционалист, и это дает работу переводчику, тем более что в поэзии Венцловы очевидна связь со столь же «традиционными» русскими поэтами – Пастернаком, Мандельштамом, Бродским. Герасимова зачитала и прокомментировала некоторые свои переводы: ранний «Клайпедский канал. Рисунок» с его «пастернакипью» – звуковыми играми и «украденным» у русского поэта финалом; «Памяти поэта. Вариант», посвященное Мандельштаму (в 1976 г. его перевел Бродский для публикации в эмигрантском журнале «Континент»), и другие.

Венцлова высоко оценил переводы Герасимовой, назвав их «очень точными». Сама же Герасимова полагает, что некоторая вольность при переводе допустима: например, частичная нейтрализация торжественной интонации в некоторых стихах Венцловы. Переводчик, – говорила Герасимова, – может «доставить» переводимый текст в

¹ „Metelinga“ – это «искаженное латинское „nota linguae“: позорная табличка, которую в XIX в. учитель вешал на шею ученику, заговорившему политовски вместо положенного польского (или позднее русского)», – объясняет Венцлова название книги.

поле некоей обобщенной поэтики. При этом необходимо учитывать, что поэтический текст Венцловы «очень густой» (вслед за Мандельштамом, поэт называет себя «смысловиком») и «картинный».

Завершить далеко не полный обзор «мероприятий», связанных с личностью самого известного современного литовского поэта и интеллектуала, можно таким фактом: в дни конференции состоялось торжественное присвоение Томасу Венцлове почетной степени Доктора

Honoris Causa Вильнюсского университета. Добавлю к этому, что к имени Венцловы полагается формула *dr. h. c. mult.*: профессор-эмерит Йельского университета является доктором *honoris causa* Университета Марии Кюри-Склодовской в Люблине, Ягеллонского университета в Кракове, Университета Николая Коперника в Торуня, Гданьского университета, Университета Витовта Великого в Каунасе, Клайпедского университета.

Галина Михайлова